

Автор представлен членом Художественного совета **Михаилом Шербом**

НАСТЯ

Газета «Красная звезда», страница восемь:
на двадцать танков – пистолет и десять ружей.
Сегодня Настя снова чёрта ждёт на ужин.
Бюстгальтер с летнего плеча сползает в осень.
Знобит, коробится внутри, дождит слезливо.
Нашла от прошлого ключи, взглянув под коврик.
Жених – безусый лейтенант, не подполковник.
Сменить коньяк с Алиготе на спирт и пиво,
гулять от взгляда до любви, и душу – в клочья,
сегодня тело – шоколад, кипеть в экстазе.
Пускай заблудший старый лес поёт Настасье,
и чёрный город, приобняв, целует сочно.
Пускай державные кресты гудят молитвой,
горячей кровью над свечой густеет пламя.
Судьба поджала куцый хвост, объевшись днями.
Так что наивно расплыться, друг мой ситный.
В беде всеильны, как всегда, одни лишь черти.
В беде глухие небеса помочь не смогут.
Всё, что просила, расцвело полночным смогом,
не достучаться до небес ей бабьим сердцем.
Там, наверху, жируют, пьют, гуляют, спят ли?
Для них одиннадцать ребят – пустая строчка...
Нет больше в тексте запятых, поставим точку.
Всё, что зовётся пустотой, живёт навряд ли.
Почто, скажи ты мне, живых людей – под танки?
Любых богов мой подполковник стоил дюжин!

Сегодня Настя снова чёрта ждёт на ужин,
а к ней опять, в который раз, приходит ангел.

В ТУЧАХ

В тучах ни печали, ни ласки вам.
Без вина виной захмелев,
месяц души в небо вытаскивал –
что им прозябать на земле?
– Если тело к жизни негодное,
Дело есть на небе – свети.
Кто это ко мне огородами?
Кажется, пацан лет шести...
Люди стали льстивыми, стадными,
На сто вёрст не видно лица.
Коли не война, то и ладно бы...
(Нет, ну, несомненно, пацан).
Звёздам в землю больше не надобно.
Что земля? Разбег для броска.
Ходят в небе звёзды парадами
от соска Пути до соска.

– Небо на котельную стелено.
Всё равно тебя не отдам.
Мне твоя иконка нательная,
будто в сердце песенка, мам!
Что же ты не стонешь, не охаешь,
прожита да выжата жизнь?
Если ты уйдёшь, будет плохо мне.
Я найду отца, не спеши!
Баба Маня ляпнула давеча:
«В среду ты к нему, не позжей!»
У меня душа-то не заячья.
Сколько в той трубе этажей?
Небо нынче низкое, целое...
Бате одиноко здесь, да?

В тучах Месяц бреши заделывал:
мало ли сорвётся звезда.

ВОРОБЫШЕК

Не был я в этом городе, кто бы меня позвал?
Мне не вручал на холоде звёздочки генерал.
И самогон из горлышка, верите, я не пил.
Прыгал тогда воробышком, не напрягая сил.
Клювом царапал зёрнышки – бурые угольки.
Чёрными были пёрышки, красными – ручейки.
Падали с неба отруби – липкий солёный снег.
Мёртвыми были голуби, ломаным – человек.
Раны не кровоточили, а источали боль.
Страх накануне ночи и... ночь, переправа, бой.
В небе стонали ангелы, нимбы летели в ад.
Если бы память набело – слёзы бы или мат.
Слёзы метели выпили... «Маленький, расскажи:
плаха, верёвка, дыба ли? Что она, наша жизнь? –
бросил мне хлеба корочку. – Хочешь, не отвечай...»
Молча достал махорочку, сел, раскурил печаль.
Вкусная корка, твёрдая... Думал, всё время так:
голуби – только мёртвые, пепел и полумрак,
зёрнышки – только жжёные, красные – ручейки.
Люди, себя лишённые, – холмики у реки!

Нет же, я не был... не был я... Знаю, что это сон.
В памяти корка хлебная... Курит и смотрит он...
Глаз голубые стёклышки с горяшком без любви...
Бьются в окно воробышки, глупые воробьи...

В САМЫЙ РАЗ

Для войны провожала Родина,
вслед печально ключами звякала:
– То, что в жизни тобою пройдено,
пороастает пустыми злаками.
Мне из них – ни хлебов, ни шанежек!
Разобьётся о голод армия.
Для тебя придорожный камешек –
полстакана да стойка барная.
В белом поле твои товарищи –
верстовые столбы для памяти.
Где твоё родовое капище?
Где твои вековые наледи?
Языки под земными плахами,
наднебесные взгляды-выстрелы?
Всё, что в жизни тобою вспахано,
безответной любовью выспело.

Города, пересадки, станции...
От потерь до потерь – околицей.
Можно быть черепахой в панцире,
Но под панцирем тоже колется.
Чёрт-те с кем на забытой пристани
разбазаривал дни бездарно я,
чтобы рифмами, снами, мыслями
золотая питалась армия.
Там с такими, как я, скитальцами
разделяли мы жизнь по-честному:
принимая, встречали танцами,
провожая, крестили песнями.
Безответные стали верными,
бесполезные стали звёздными
в тесноте, за тройными стенами,
за бесценными сердцу вёснами,
где разлукой любовь воссоздана
до последнего стога, выплеска...

– Не такой ты, – кивнула Родина. –
В самый раз «не такой» для Витебска.

ЛЁТЧИЦА

Тесно собаке в комнате, в старом промозглом хосписе.
Голуби в лунном омуте песни поют о космосе,
мухи влетают в форточку: «“Хай” тебе от поклонников!»
Ангелы чешут мордочки, сидя на подоконниках.
Смотрит на всех растеряно, зависть во взгляде вышита.
Кажется – не растение, а не взлетишь повыше-то!
В ухе свербит высотами, хочется в небо коршуном.
Пчёлкой жужжать над сотами тоже ей не положено.
«Кто он, великий выдумщик, “Главный над эскадрильями”?»
В хоспис его бы вытащить, вдруг нарисует крылья мне.
Боль заберёт нечаянно (счастье когда-то было ведь).
Ноги вернёт хозяину... Дело за малым – выловить!
Значит, прорваться к выходу, лапы в пути изнашивать.
Ангелы с жиру пыхают, вот бы хлебнули с нашего!
Толстыми стали, ленными! Эх, проморгали прошлое...
Нынче-то здесь, за стенами, служба им стоит дёшево.
Чёрт с вами, спите, толстые. Вам не поднять хозяина.
Помню: бежала вёрстами, в небо смеялась, лаяла...
Таял хозяин куполом, белой снежинкой ласковой;
в зиму летели кубарем, резали снег салазками,
падали в реку буйную, шторм побеждали аховый,
пели под шестиструнную, чай разбавляя сахаром.
Ангелам было весело, резвыми были, жаркими.
Двадцать второго вечером в пух разодрались ангелы...
Сгнули той же полночью. Не было двое суток их.
Скоро пять лет исполнится случаю с парашютами...
Спят, не летают год уже. Крылья примерить хочется.
В самую пору, то-то же! Станет собака лётчицей.
Тссс! Погодите! Что-то здесь... что-то не очень правильно...
Спите, не будьте жмотами. Ноги бы для хозяина...»

Над перелеском, хатами, над одинокой хижинкой
выла стихи хвостатая, верная, тёмно-рыжая.
Жалась к больному, гордому, грела крылами пыльными.
Сказку слагал за городом «Главный над эскадрильями».

ЧЁРНО-БЕЛОЕ

Выцвели Покрова над берёзами.
Вылились облака в землю временем.
Что-то кричали мне, что-то пели мне
чёрные соловьи в небе бронзовом.
Как же я не узнал, в чём их цель была?
Бедные соловьи к Пасхе вымерли.
Песни отдал свои псам без имени,
чтобы росли они каждый – в цербера,
чтобы несли в зубах мудрость полночи,
годы в себя вобрав, месяц к месяцу.
Не утонуть теперь, не повеситься –
вечно бросать в окно сны невольничьи.
Годы в ручей вплетать меж погостами,
Надписи обновлять над потерями:
это – любовь твоя в светлом тереме,
это – судьба твоя – зимы с вёснами,
это – друзья твои. Кто? Не спрашивай.
Сколько их? К четвергу будет семеро.
Ночью приснился мне запах клевера,
я упаду в него нынче заживо.
Нужно вернуть себе счастья видимость,
рифм отыскать пяток под оскоминой
и на последний слог сэкономленный
белого соловья в небе выдумать.